

Александр Хинт

Несухой остаток зимы

*

случайный взгляд оседает, ретушь такого-то дня
взятого целиком из головы объектива
из брошенной сумки
из забывших меня
можно составить поселок городского типа
где отключили свет, составить ясное представление
о соотношении улицы, фонаря и ограды
о балансе белого и руки
мешают тени
«подойди поближе», им уже и не надо
уже засвечена резкость, максимум – да или нет
был или не был сугроб? что там на варежках, иней
вспышка
и соляные столбы падают в свет
как ресница во сне
запоминая себя молодыми

большая морская, 49

Свинцовый рубин остывал в февральской Неве,
боги реки под мостами сплавляли окурки.
Что в несухом остатке зимы? Неделимость на две,
бежевый уголь любви, обрастающий коркой
ветра – в парадное, мерзлое тело валторн
за эндорфином надежды врывается ночь.

Вдох каменел, каждый шаг ощупывал дно,
двери качались, гремя якорями цепочек.

Позже она говорит: «Ты устал и продрог,
ужин придется согреть, я ждала тебя к ужину»,
думает: «любишь меня, примерно как свой сюртук,
если Владимир еще позвонит, я не буду раздумывать».

Вынырнув наискосок из бездны окна,
луна у портьеры первобытно бессмертна.
Он говорит: «Сегодня ты снова бледна.
Господи, кто шлифовал восьмигранное зеркало,
там, на изгибе Морской, ненасытна такая звезда,
впору родиться вновь»,
а думает: «пуля быстрее почтальона
и лаконичней», думает: «в таборе улицы, да,
да, конечно... по табору улицы темной»

на доброту ночи

двадцать лет, как обвязанный именем легион
из египетской тьмы-таракани в обетованное ложе
все идет; жожака или не было здесь никогда, или он
перешел в беспредельную веру – что, в общем, одно и то же

и еще двадцать лет, не меньше, вперед, назад, добела
раскалять пустыню глухим язычеством, офисным чаем
залить очертания медленных клавиш добра и зла
где скрижали истерты и замысел неразличаем

